

ПАМЯТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА ЛЯПУШКИНА

23 сентября 1968 г. от нас навсегда ушел Иван Иванович Ляпушкин — крупнейший археолог-славист, труды которого составят эпоху в истории славянской археологии.

Иван Иванович родился 4 ноября 1902 г. в слободе Савруха Самарской губернии (ныне Куйбышевский обл.) в семье крестьянина-кузнеца. В 1914 г. он поступил в школу, однако в 1920 г. вынужден был прервать учение. В 1920—1924 гг. Иван Иванович работал школьным учителем, инструктором школ в Поволжье и Фергане, а в 1924—1926 гг. служил в рядах Красной Армии. В 1927 г., окончив подготовительные курсы, Иван Иванович поступил на историческое отделение Ленинградского педагогического института им. Герцена и в 1930 г. окончил его «с рекомендацией на научную работу». Тяжелое заболевание (туберкулез) не позволило Ивану Ивановичу остаться в Ленинграде, и он уехал преподавать историю на Южный Урал, в г. Мпасс.

В 1935 г., вернувшись в Ленинград, Иван Иванович поступил в аспирантуру ГАИМК — ИИМК, где с 1937 г. начал работать под руководством М. И. Артамонова над темой «Славяно-русские поселения на Дону и Тамани по археологическим данным» и в 1940 г. защитил ее в качестве кандидатской диссертации. В июне 1941 г. в связи с резким обострением туберкулеза Иван Иванович выехал из Ленинграда в Поволжье и в 1943 г. присоединился к Елабужской группе ИИМК, с которой в 1945 г. вернулся в Ленинград. 7 июня 1961 г. Иван Иванович защитил докторскую диссертацию.

Как явствует из этой краткой биографии, Иван Иванович пришел в археологию лишь в возрасте 33 лет, в 1935 г. И, начиная с этого момента, вся его деятельность была посвящена разработке единой большой и важной темы — истории славян Восточной Европы накануне и в процессе сложения древнерусского государства. Иван Иванович продуманно и целеустремленно двигался в своей работе от более узких тем к более широким, от известного к неизвестному, сосредоточив все внимание на узловых проблемах.

В своей кандидатской диссертации и ряде работ довоенного времени Иван Иванович доказал ранее высказанные М. И. Артамоновым положения о том, что славяне появились как серьезная сила в степном Подонье

и на Тамани лишь в конце X в., а не были здесь, как считали многие исследователи, автохтонным населением.

Позднее, в 1949—1951 гг., в связи с работами Волго-Донской экспедиции Иван Иванович вновь вернулся к этой теме и уточнил ряд своих положений, а также выдвинул подтверждающую ныне гипотезу о разделении салтовской культуры Подонья (т. е. культуры ближайших соседей славян на юго-востоке) на две культуры — аланскую и болгарскую.

Расширяя область своих исследований, Иван Иванович начал в 1940 г. заниматься вопросом появления славян на территории Днепровского лесостепного левобережья — одной из важнейших составных частей Киевской Руси. Сплошное обследование бассейна реки Ворсклы, полевые изыскания на уже известных ранее памятниках других районов левобережья и планомерные раскопки отдельных поселений, относящихся к различным культурно-хронологическим группам, дали Ивану Ивановичу огромный археологический материал, тщательное изучение которого привело его к убеждению, что славяне в эпоху железа на территории Днепровского левобережья впервые появились не ранее рубежа VII—VIII вв. и что в этой области в эпоху железа существовали три периода прочной оседлости (скифская эпоха VII—III вв. до н. э., черняховская культура III—IV вв. и славянские и салтовские памятники VIII—X вв.), генетически связанные друг с другом.

Подробно анализируя добытый им археологический материал и рассматривая его на широком фоне других археологических культур Восточной и Центральной Европы, Иван Иванович в двух монографиях («Городище Новотроицкое», МИА, № 74, 1958, и «Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа», МИА, № 104, 1961) твердо обосновал ряд положений, чрезвычайно важных для истории всего славянства, среди которых следует отметить положение о единой и монолитной общеславянской культуре VI—VII вв., о том, что накануне образования государства первичной социально-экономической ячейкой восточного славянства была уже не большая патриархальная семья, не родовая община, а община соседская, состоящая из отдельных небольших семей, ведущих довольно обособленное хозяйство, о достаточно высокой по уровню своего развития славянской культуре в Восточной Европе в VIII—IX вв., на базе которой и сложилась культура древнерусского государства.

Одновременно Иван Иванович выдвинул также ряд серьезно обоснованных гипотез. Среди них гипотеза о заселении Днепровского левобережья славянами с запада, о движении части славянских племен в VI—VII вв. из Подунавья на правобережное среднее Поднепровье.

Особо следует отметить, что уже в 1956 г. Иван Иванович в печати высказал предположение, устно сформулированное им в специальном докладе еще в 1953 г., что ранние славянские памятники VI—VII вв. существуют на территории к западу от Днепра. Чрезвычайно интересна смелая гипотеза Ивана Ивановича о первоначальном членении единой славянской культуры до великого расселения славян не на западный и восточный варианты, как полагают многие исследователи, а на северный и южный. Ряд интересных предположений выдвинул Иван Иванович и в отношении археологических памятников эпохи раннего железа и римского времени.

Уже после кончины Ивана Ивановича вышла в свет его последняя, обобщающая работа «Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства», МИА, № 152, 1968, в которой он дает сводку огромного археологического материала по истории славянства, развивает и подробно обосновывает ряд выдвинутых им ранее положений и гипотез и дает широкую и достоверную картину истории и жизни славян Восточной Европы. В этой же работе Иван Иванович предполагает, что в верхнем Поднепровье, ранее заселенном балтами, славяне появляются лишь в VIII—IX вв. и что достоверные погребальные памятники северо-восточ-

ного славянства следует искать не среди длинных курганов и сопок, а среди маленьких круглых курганов VIII—IX вв.

В целом можно сказать, что Иван Иванович создал стройную концепцию исторического развития славянства в VI—IX вв., решил вопрос о соотношении славянской культуры VI—IX вв. со многими более ранними и синхронными культурами оседлого населения Восточной Европы и наметил основные пути дальнейшего изучения славянства.

Иван Иванович блестяще раскопал ряд памятников эпохи железа и среди них Новотроицкое городище, до сих пор единственное целиком раскопанное и образцово опубликованное славянское поселение, ставшее ныне источником, без которого не может обойтись ни одно серьезное исследование по истории славянства накануне и в процессе образования государств.

Не занимаясь специально теоретическими изысканиями, Иван Иванович попутно сделал очень многое для понимания того, что такое «археологическая культура», и для разработки вопроса о соотношении археологической культуры и этноса.

Все сказанное выше не исчерпывает значения Ивана Ивановича для советской археологии.

Иван Иванович был ученым, который всегда говорил правду — правду, основанную на анализе всех доступных фактов, на применении продуманной методики изучения этих фактов, на длительном вынашивании своих предположений, на проверке этих предположений в спорах и беседах с коллегами. Чтобы сформулировать осторожно и кратко какой-либо вывод, Иван Иванович тщательно прорабатывал огромный материал. Но зато уже однажды «выстраданную» истину Иван Иванович защищал упорно и бесстрашно, ни разу не покрывив душой.

В ряде работ наших археологов многие самые ценные положения и гипотезы возникли в результате бесед с Иваном Ивановичем, на основе метких замечаний и указаний, на которые он был так щедр, или же в результате чтения его работ. И не раз многие скороспелые идеи отбрасывались, не выходили в свет, не приносили вреда, потому что мысль о том, что поспешность и недобросовестность не укроются от глаз Ивана Ивановича, останавливала исследователей. Все мы, коллеги, друзья и товарищи Ивана Ивановича, всегда чувствовали на себе его критический взгляд, боялись его строгой оценки. Высоко ценили мнение Ивана Ивановича и многие зарубежные археологи.

Во всех тех, кто в то или иное время был учеником или сотрудником Ивана Ивановича или просто часто общался с ним, живет его честное и требовательное отношение к долгу ученого, к науке, научному факту, методике исследования. Многие из нас, археологов-славистов, сознательно или бессознательно применяют его приемы исследования, работают в русле тех идей и проблем, которые разрабатывались и намечались в первую очередь им, в нас живет его цельный образ, дисциплинирующий всю нашу научную работу.

И поэтому можно сказать, что многие из нас — ученики школы Ивана Ивановича Ляпушкина, школы острых и узловых проблем, тщательно исследуемых с привлечением всех доступных фактов и на базе продуманной методики, школы смелых, но обоснованных гипотез.

Группа товарищей